

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,
ИЗДАВАЕМЫЙ
ВАСИЛИЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

II.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ
1808.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

ПРОЗА

1807—1811 годов

КНИГА 1

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

ПРОЗА

1807—1811 годов

КНИГА 1

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 14-04-16037

Ж 86 **Жуковский В. А.**

Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жилиякова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 10. Проза 1807—1811 гг. Кн. 1. / Ред. И. А. Айзикова. — М.: Языки славянской культуры. — 528 с.

ISBN 978-5-9905856-1-4

Полное собрание сочинений и писем В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

Том 10 содержит оригинальные и переводные прозаические тексты, опубликованные В. А. Жуковским в 1807—1811 гг. на страницах журнала «Вестник Европы». Произведения сопровождаются подробным текстологическим, историко-литературным и реально-историческим комментарием.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

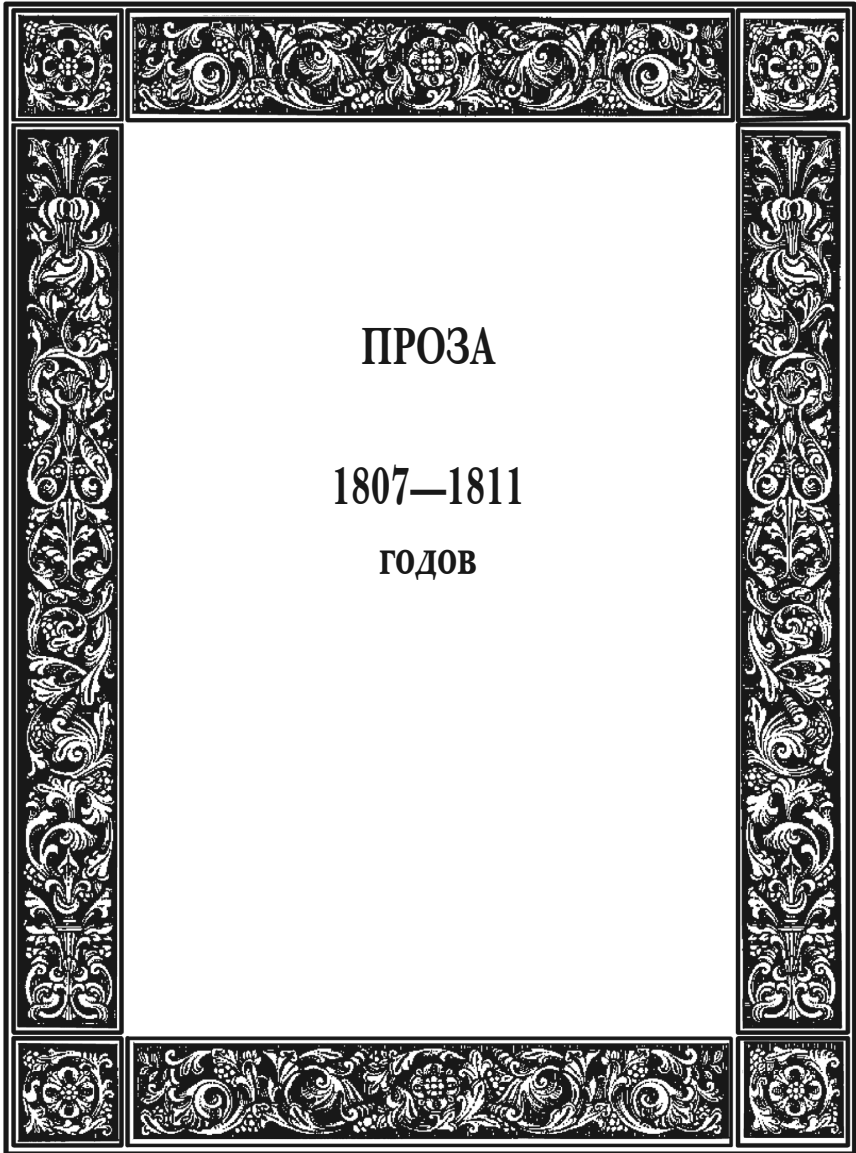
На фронтисписте:

В. А. Жуковский (1818 г.). Гравюра Е. Эстеррейха с портрета О. А. Кипренского

ISBN 978-5-9905856-1-4

© И. А. Айзикова. Редакция тома 10, 2014
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2014

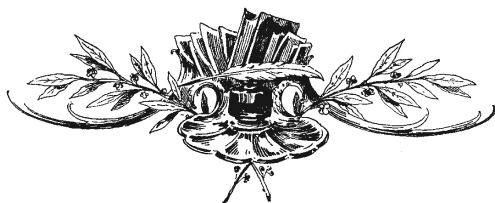
Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ПРОЗА

1807—1811

ГОДОВ

СМЕРТЬ

РАЗГОВОР ПЕРВЫЙ

Недалеко от Безансона¹, в маленькой деревеньке, жил честный, отставной бригадир, Мервиль, старик семидесяти лет, совершенный образец добродушия и любезности. Будучи еще молод, он служил в армиях Людовика XV² и вместе со всеми французами воображал, что умереть за славу короля и умереть за благо отечества одно и то же; но едва по заслугам своим получил он бригадирский чин, как увидел, к совершенному ужасу, что был орудием угнетения народов. Лишась одушевляющей мечты, он разлюбил и самую службу, потребовал отставки, не принял пенсиона, которым хотели наградить его за храбрость и верность, и стыдился почтенных своих ран, которые казались ему не изглаженными следами юношеских заблуждений. Возвратясь в деревню, родину, давно им оставленную, он начал обрабатывать поля, небогатое наследие предков, и все часы, в которые был свободен от забот хозяйства, посвятил философии и музам. Посредственность существования не позволяла ему делать больших издержек; он должен был ограничить себя весьма малым обществом: два или три испытанных друга и довольно. В числе их был Шевро, член Безансонского парламента, человек особенно им любимый и особенно достойный любви его.

Природа наградила Шевро завидным расположением ко всему доброму и благородному. В характере его не было той легкости, которую обыкновенно приписывают молодым французам; он имел более жару, нежели пылкости, более меланхолической задумчивости, нежели мягкости. Впечатления редкие, но глубокие, были неизгладимы в душе его; никогда не обманывала его наружность, никогда лицо его не противоречило сердцу. Имевши право благодарить Провидение за величайшее благо, какое только оно может даровать человеку, за родителей добродетельных и просвещенных, родителей, которых деятельная любовь образовала его душу, он, при всех необыкновенных качествах, полученных от природы, был человеком твердых и непоколеби-

мых правил честности, с сильнейшим патриотизмом, был совершенно достоин иметь друга, подобного Мервилю.

Шевро любил — один раз в жизни — девицу, прелестную и видом, и милым своим сердцем, Эльмину, дочь парламентского президента в Безансоне. Препятствия, которые несколько лет противились их союзу, казались непобедимыми; но то, что в слабом сердце умерщвляет любовь, то самое в сердце Шевро ее животворило. Сама Эльмина была привязана к нему всеми узами любви и почтения; по несчастию, она была богата, а ее родители надеялись к миллиону дочери присоединить другой миллион или, по крайней мере, один из знатнейших чинов во всем королевстве. Эльмина терпела жестокие гонения за любовь свою к Шевро, но она с твердою решимостию сказала своим родителям, что никакое убеждение, никакая сила на свете не исторгнут из ее сердца привязанности к сему человеку, столь привлекательному и благородному, что она или будет его женою, или пойдет в монастырь. Уже несколькими женихам было отказано; Эльмина была непреклонна. Наконец убедительный пример одной родственницы, которая, не успевши сделаться маркизою, потеряла навсегда спокойствие и увидела все свое имение на туалетах танцовщиц и на груди оперных певиц, смягчил ее родителей. Шевро получил позволение посещать их дом, наконец согласились принять его в свое семейство. Тут любовники, в минуту блаженнейшего соединения, испытанные горестию и терпением, почувствовали, что значит несчастье, и к каким чистым радостям иногда оно приготовляет.

Эльмина скоро должна была сделаться матерью. Воображение Шевро единственно устремлялось на ту неизъяснимо сладостную минуту, в которую блаженство его увеличится обладанием младенца. Наконец наступила сия минута, с такою радостию, с таким нетерпением ожидаемая: Эльмина дала жизнь прекрасному сыну.

Радость отца была несказанна, но то была важная, задумчивая радость чувствительного человека, который, в минуту своего блаженства, ощущал всю великость должностей, ему принадлежавших, и в глубине души произносил обет всегда почитать их священными. Эльмина счастливо разрешилась от бремени, но вскоре, после многих припадков, ей приключилась опасная болезнь, которая наконец сделалась смертельною. Шевро не отходил от постели; он был свидетелем ее неописанных страданий; видел, как юность, едва расцветшая, боролась с могуществом смерти, и как наконец истощенная натура уступила. Эльмина в последний раз с унылою, трогательною улыбкою устремила глаза на своего супруга, в последний, ослабевшею рукою, со смертною конвульсиею прижала руку его к своему сердцу и томным голосом, с последним вздохом жизни, сказала: «Шевро, не забудь любви моей!».